

Сергей Николаевич Южаков

М.М. Сперанский

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ю17

Ю17 **Южаков С.**
М.М. Сперанский / Сергей Николаевич Южаков – М.: Книга по Требованию, 2023. –
94 с.

ISBN 978-5-521-39385-5

ISBN 978-5-521-39385-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Источники	4
Глава I. Воцареніе Александра и возвышеніе Сперанскаго .	5
„ II. Спераискій—реформаторъ	21
„ III. Проведеніе реформы и борьба	38
„ IV. Паденіе и ссылка.	53
„ V. Государственная дѣятельность второго періода. . .	75

ИСТОЧНИКИ.

Литература о Сперанскомъ довольно значительна и богата, и нельзя сказать, чтобы она была исчерпана или даже въ должной мѣрѣ использована въ какой либо монографіи. На иностранныхъ языкахъ можно указать на Гевинуса, Талландье, Тургенева, и автобіографію и др. Гораздо значительнѣе литература о Сперанскомъ на русскомъ языкѣ, гдѣ послѣ біографіи, составленной тридцать лѣтъ тому назадъ барономъ М. А. Корфомъ и въ свое время вполне удовлетворительно воспользовавшейся имѣвшимися матеріалами и источниками, вышло много новыхъ матеріаловъ, официальныхъ документовъ, мемуаровъ, частныхъ исследований и пр. Никто не предпринялъ однако труда свести эти новые матеріалы и повторить работу барона Корфа на болѣе широкихъ фактическихъ основаніяхъ. Конечно, и наше краткое жизнеописаніе Сперанскаго не можетъ претендовать восполнить этотъ пробѣлъ. По самому характеру и задачѣ всего изданія, къ которому этотъ біографическій очеркъ входитъ какъ часть въ цѣлое, тутъ не можетъ быть отведено достаточно мѣста самостоятельному изслѣдованію по источникамъ и непрокритикованнымъ матеріаламъ. Непосредственными источниками при составленіи этого біографическаго очерка послужили слѣдующія сочиненія и статьи расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ ихъ появленія:

Корфъ М. А., баронъ. Жизнь графа Сперанскаго. 2 тт. Спб. 1861 г.
Чернышевскій Н. Г. Русскій Реформаторъ. «Современникъ» 1861 г. № 12

Погодинъ М. П. Николай Михайловичъ Карамзинъ. 2 тт. Москва 1866 г.

Нарамзинъ. О древней и новой Россіи. «Русскій Архивъ», 1870 г.
Иконниковъ В. С., проф. Графъ Мордвиновъ. Спб. 1873 г.

Романовичъ-Славатинскій, проф. Государственная дѣятельность графа М. М. Сперанскаго. «Отечественныя Записки», 1873 г., № 4.

Ядринцевъ Н. М. Сибирь, какъ колонія. Спб. 1882 г.

Де-Сенгленъ Ф. И. Записки. Части III и IV. «Русская Старина» 1883 г. № 1, 2, 3.

Пыпинъ А. Н. Общественное движеніе при Александрѣ I. Изд. 2-е Спб. 1885 г.

Семевскій В. И. Крестьянскій вопросъ въ Россіи въ XVIII и XIX вв. 2 тт. Спб. 1888 г.

Филипповъ А. Н. Значеніе Сперанскаго въ исторіи русскаго законодательства. «Русская Мысль», 1889 г. № 4.

С. Ю.

ГЛАВА I.

Воцареніе Александра I и возвышеніе Сперанскаго.

Отзывъ Пушкина о Сперанскомъ и начало правленія Александра I. — Общая радость при его воцареніи. — Оды Державина и Карамзина. — Общія ожиданія и надежды. — Записка Каразина. — Намѣренія Александра. — Неофициальный комитетъ. — Задачи новаго правительства. — Роль Сперанскаго. — Происхожденіе и рожденіе. — Родители и родные. — Дѣтство и воспитаніе. — Владимірская семинарія. — Александроневская главная семинарія (духовная академія). — Профессорство и литературные опыты. — Секретарство у Куракина. — Воцареніе Павла и служба при генераль-прокурорахъ. — Служебные успѣхи. — Личная жизнь и характеристика.

«Въ прошлое воскресенье я обѣдалъ у Сперанскаго, отмѣчаетъ Пушкинъ въ своемъ дневникѣ (2 апр. 1834 года). — Я говорилъ ему о прекрасномъ началѣ царствованія Александра: *Вы и Аракчеевъ стоите въ дверяхъ противоположныхъ этого царствованія, какъ геніи зла и блага*». Такъ характеризуетъ намъ поэтъ значеніе своего знаменитаго современника. «Геній блага» въ началѣ царствованія Александра I, началъ, столь богатомъ благими начинаніями, — этимъ очень много сказано, и художественная образность этой метафоры только ярче, рельефнѣе выступаетъ отъ сопоставленія съ «геніемъ зла», стоящимъ у противоположныхъ дверей того же правленія. А что такое было начало царствованія новаго императора Александра I и какъ оно понималось и принималось современниками, объ этомъ единогласно свидѣлствуютъ всѣ источники и всѣ изслѣдованія.

Вѣсть о вступленіи императора Александра на престолъ «была въ цѣломъ государствѣ, по словамъ Карамзина, вѣстью искупленія; въ домахъ, на улицахъ люди плакали, обнимали другъ друга, какъ въ день Свѣтлаго Воскресенья». — «Въ Россіи Императоръ Новый!» восклицалъ тотъ же Карамзинъ въ стихахъ, написанныхъ по этому случаю:

Такъ милой весны явленье
 Съ собой приносить намъ забвенье
 Всѣхъ мрачныхъ ужасовъ зимы:
 Сердца съ природой расцвѣтаютъ
 И плодъ во цвѣтѣ предвкушаютъ.
 Весна у насъ, съ Тобою мы.

Это упоминаніе о «мрачныхъ ужасахъ зимы», которые должны быть забыты съ воцареніемъ Александра, еще недвусмысленнѣ находимъ у Державина въ одѣ на это воцареніе:

Умолкъ ревъ Норда синоватый,
 Закрылся грозный, страшный взглядъ.

и поэтому-то «на лицахъ Россовъ радость блещетъ».

«Серьезное, конечно, соединялось съ мелочнымъ и пошлымъ», замѣчаетъ объ этомъ времени А. Н. Пыпинъ. «Въ первые моменты царствованія, рассказываетъ Саблуковъ, общество предалось необузданно и ребячески радости. Какъ только узнали о смерти Павла, тотчасъ исчезли косички и букли, явилась строго прежде запрещенная прическа à la Titus, круглыя шляпы и сапоги съ отворотами; дамы одѣлись въ новые костюмы, на улицахъ понеслись экипажи съ запрещенною и еще не дозволенною вновь упряжью». — По другимъ рассказамъ, «Зубовъ, вскорѣ послѣ катастрофы, устроилъ для своихъ сотоварищей оргію, на которой явился во фракѣ и жилетѣ и металлъ банкъ, что строго было запрещено при Павлѣ, — какъ будто весь переворотъ нуженъ былъ только для возвращенія той нравственной разнузданности, къ которой высшее барство привыкло при Екатеринѣ». Но конечно не всѣ были только Зубовы, и та сословная оппозиція императору Павлу, которая сложилась къ концу его правленія, заключала въ себѣ и Зубовыхъ и Паниныхъ. Послѣдній — графъ Никита Петровичъ, племянникъ извѣстнаго Н. И. Панина, имѣлъ широкіе преобразовательные планы. Но отъ этой оппозиціи «желавшіе только перемены государя, замѣчаетъ Фонъ-Визинъ, были награждены; искавшіе прочнаго устройства отдалены на вѣкъ». Оппозиція (или часть ея) имѣла задачей «прочное устройство». Александръ не одобрилъ на этотъ разъ ея стремленій, но не потому, чтобы въ то время не раздѣлялъ ихъ. Въ минуту его воцаренія это была общая ходячая мысль, которою увлекались даже консерваторы, вскорѣ съ ужасомъ отшатнувшіеся отъ первыхъ шаговъ ея осуществленія.

Державинъ въ упомянутой уже одѣ на воцареніе Александра восклицаетъ:

Народны вздохи, слезны токи,
Молитвы огорченныхъ душъ,
Какъ паръ возносятся высокій
И зарождаютъ громъ средь тучъ:
Онъ вертится, падетъ незапно
На горды зданіевъ главы.
Внемлите правдѣ сей стократно,
О власти сильныя, и вы!
Внемлите и тѣшнѣ блудитесь
Вамъ данный управлять народъ.

Карамзинъ не менѣе, если не болѣе, консерваторъ, чѣмъ Державинъ, выражается еще опредѣленнѣе:

Короны блескомъ ослѣпленный,
Другой въ подвластныхъ зрѣть—рабовъ;
Но Ты, душою просвѣщенный,
Не терпишь стука ихъ оковъ.
Тебѣ одна любовь прелестна;
Но можно-ли рабу любить?
Ему-ли благодарнымъ быть?
Любовь со страхомъ не совмѣстна:
Душа свободная одна
Для чувствъ ея сотворена.
*Сколь необузданность ужасна,
Столь ты, свобода, намъ мила
И съ пользою царей согласна,
Ты вѣчно славой ихъ была.*
*Свобода тамъ, гдѣ есть уставы,
Гдѣ добрый не боится жить;*
*Тамъ рабство, гдѣ законовъ нѣтъ,
Гдѣ гибнетъ правый и неправый.*

Въ заключеніе ода рекомендовала Александру: «Трудись, давай *уставы намъ*—и будешь первый по дѣламъ».

Если старое консервативное поколѣніе, еще не оправившееся отъ «мрачныхъ ужасовъ зны» и еще не позабывшее «ревъ Норда сиповатый», заговорило этимъ языкомъ, то чаянія и желанія молодого поколѣнія были много опредѣленнѣе и шли дальше. «Черезъ нѣсколько дней по воцареніи на престолъ Александра, читаемъ мы у В. И. Семева, была найдена во дворцѣ восторженная записка, въ которой, между прочимъ, выражались слѣдующія чаянія отъ новаго императора: «Онъ дастъ намъ непреложные законы... Онъ повелитъ въ пространствѣ Россіи избрать старцевъ,

достойныхъ безпредѣльнѣйшей довѣренности своихъ согражданъ, и, поставивъ ихъ внѣ сферы честолюбія и боязни, удѣлить имъ весь избытокъ своей власти, да охраняютъ святая святыхъ отечества... Онъ первый употребить самовластіе на обузданіе самовластія; первый, кто по чистѣйшему движенію сердца пожертвуетъ челоувѣчеству собственными выгодами!.. Онъ обезпечить права челоувѣчества въ помѣщичьихъ крестьянахъ, введетъ у нихъ собственность, поставитъ предѣлы ихъ зависимости». Авторомъ записки былъ В. Н. Каразинъ, поощренный Александромъ въ его идеяхъ. Таковы были задачи и надежды, съ которыми встрѣчено было новое царствованіе. Таковы же были задачи и надежды, съ которыми и самъ молодой императоръ принималъ бразды правленія послѣ того, какъ такъ быстро, по выраженію Державина «закрылся грозный, страшный взглядъ».

«Я никогда не буду въ состояніи привыкнуть къ идеѣ царствовать деспотически», писалъ Александръ вскорѣ по воцареніи своему воспитателю Лагарпу, съ равней юности заложившему въ его душу любовь къ свободѣ и отвращеніе къ произволу. Идея преобразовать правленіе въ Россіи была прямымъ послѣдствіемъ этого настроенія, и мы имѣемъ въ воспоминаніяхъ кн. Адама Чарторыйскаго, состоявшаго при Александрѣ въ послѣдніе годы правленія Екатерины II, весьма интересное свидѣтельство: «Великій князь (т. е. Александръ), читаемъ мы у А. Н. Пыпина, съ самаго начала оказывалъ вниманіе Чарторыйскому и, выбравъ случай для интимнаго разговора, высказалъ ему симпатію, которую внушало ему положеніе братьевъ Чарторыйскихъ при дворѣ (бывшихъ чѣмъ-то родѣ заложниковъ), спокойствіе и покорность судьбѣ, какія они обнаруживали; говорилъ, что онъ угадывалъ и раздѣлялъ ихъ чувства, считалъ нужнымъ не скрывать отъ нихъ своихъ мнѣній, которыя не похожи на мнѣнія императрицы и двора, что онъ не раздѣляетъ ея политики, сожалеетъ о Польшѣ, что Костюшко въ его глазахъ есть великій челоувѣкъ по своей добродѣтели и по справедливости дѣла, которое онъ защищалъ». «Онъ признавался мнѣ, продолжаетъ Чарторыйскій, что онъ ненавидитъ деспотизмъ вездѣ и какимъ бы образомъ онъ ни совершался, что онъ любитъ свободу и что она должна равно принадлежать всѣмъ людямъ, что онъ принималъ живѣйшій интересъ во французской революціи, что онъ хотя и осуждалъ ея страшныя заблужденія, но желалъ успѣховъ республикѣ и радуется имъ.... Его мнѣнія были мнѣнія юноши 1789 года,

который хотѣлъ бы видѣть повсюду республики и считаетъ эту форму правленія единственно сообразной съ желаніями и правами человечества».

Съ такими идеями и съ такимъ настроеніемъ находимъ мы Александра въ послѣдній годъ правленія Екатерины, къ которому относятся эти бесѣды съ Чарторыйскимъ. Краткое, но поучительное правленіе Павла, вслѣдъ затѣмъ послѣдовавшее, не могло ослабить въ молодомъ и впечатлительномъ принцѣ наклонности къ этимъ идеямъ и планамъ. Если такіе консерваторы, какъ Карамзинъ, заговаривали о свободахъ и уставахъ, какъ прямо въ выводѣ изъ послѣднихъ четырехъ лѣтъ нашего XVIII вѣка, если при самомъ дворѣ возникла и сложилась та активная оппозиція, о которой мы упомянули выше, то на Александрѣ, въ душѣ котораго почва была гораздо болѣе приготовлена къ освободительнымъ идеямъ, эти, по выраженію Карамзина, «мрачныя ужасы зимы» должны были оставить болѣе глубокой слѣдъ и укрѣпить его намѣренія преобразовать Россію. «Здѣсь, писалъ онъ объ этой эпохѣ Лагарпу, капраль предпочитается человѣку образованному и полезному». Александръ воодушевился съ надеждою сдѣлать невозможнымъ повтореніе такого порядка. «Вступленіе на престолъ Александра I общало Россіи вѣтлое будущее, пишетъ проф. Иконниковъ. Уже въ началѣ мая 1801 года онъ имѣлъ совѣщаніе съ близкими людьми о необходимости преобразованія политическаго строя государства, а въ іюнѣ того же года открылись засѣданія *неофициальнаго комитета* по разнымъ вопросамъ предполагаемой реформы. Членами означеннаго комитета были: В. П. Кочубей, Н. Н. Новосильцевъ, кн. Адамъ Чарторыйскій и гр. П. А. Строгановъ». Кочубей, попавшій въ опалу въ послѣднее время правленія императора Павла, былъ вызванъ изъ провинціи немедленно по воцареніи Александра, а Новосильцевъ и Чарторыйскій—изъ за границы, гдѣ первый состоялъ при русскомъ посольствѣ въ Лондонѣ, а второй—при Сардинскомъ королѣ (бывшемъ тогда королемъ безъ королевства, отнятаго французами). «Комитетъ составилъ, по желанію императора, изъ лицъ, удостоившихся довѣрія, для нѣкотораго сотрудничества съ нимъ въ систематической работѣ надъ реформою «*de l'édifice informe du gouvernement de l'Empire*» (какъ значитъ въ протоколахъ этого комитета). Работа должна была начаться обзорѣмъ настоящаго состоянія разныхъ частей управленія и затѣмъ рѣшено было «предпринять реформу всѣхъ различныхъ частей ад-

ministre et enfin couronner ces différentes institutions par une garantie, offerte dans une constitution réglée d'après le véritable esprit de la Nation». Это послѣднее и было господствующею мыслью Александра, сочувствіе къ которой онъ находилъ въ своихъ сотрудникахъ.

Вотъ съ какими задачами, планами и надеждами открывалось царствованіе Александра I, и въ это-то время, по выраженію Пушкина, Сперанскій явился «геніемъ блага», самымъ выдающимся и значительнымъ государственнымъ дѣятелемъ. Обратимся же теперь къ изученію этой интересной личности и еще болѣе интересной дѣятельности.

* * *

Въ небольшой захолустной деревушкѣ Черкутинѣ, Владимірской губерніи и уѣзда, вотчинѣ кн. Салтыковыхъ, у бѣднаго приходскаго священника Михайла Васильева, не имѣвшего даже родового прозвища, и жены его Прасковьи Федоровой, дочери мѣстнаго дьякона, родился 1 января 1772 года сынъ Михайль, впослѣдствіи, при поступленіи въ семинарію, получившій фамилію Сперанскаго и подъ этимъ именемъ вписавшій себя и свой скромный родъ въ исторію XIX вѣка. Родъ этотъ, по словамъ самого Сперанскаго—передаваемымъ Н. И. Дмитриевымъ, извѣстнымъ баснописцемъ и министромъ юстиціи въ эпоху Сперанскаго—происходилъ изъ Малороссіи, гдѣ одинъ изъ его предковъ былъ хорунжимъ въ малороссійскомъ казачьемъ войскѣ. Біографъ Сперанскаго, бар. М. А. Корфъ сомнѣвается впрочемъ въ достовѣрности этого преданія. Довѣрно извѣстно только, что дѣдъ Сперанскаго, священникъ Василій, священствовалъ въ томъ же Черкутинѣ; что сынъ его, а Сперанскаго отецъ, Михайль былъ сначала дьякономъ тамъ же, и за годъ до рожденія будущаго государственнаго дѣателя, въ 1771 году, получилъ тамъ же священническое мѣсто. Дѣтей отецъ Михайль имѣлъ не мало, но выросилъ не многихъ,—двухъ сыновей, Михайла (родившагося четвертымъ, но выросшаго вторымъ послѣ сестры Маріи) и Кузьму, и двухъ дочерей. Марію и Марѳу.

Родители Сперанскаго были люди вполне заурядные, ничѣмъ не выдававшіеся въ той средѣ, въ которой жили и дѣйствовали. Отецъ былъ извѣстенъ своимъ огромнымъ ростомъ и тучностью, за что и получилъ отъ своихъ прихожанъ прозвище Омета, и от-

ичался, по словам бар. Корфа, добродушіемъ, «очень обыкновеннымъ, почти ограниченнымъ умомъ и безъ всякаго образованія». Священникъ трезвый и исполнительный, онъ многіе годы исправлялъ должность благочиннаго, а въ 1797 году, по болѣзни и старости, оставилъ мѣсто, которое отъ него по наслѣдству получилъ его зять, священникъ, впослѣдствіи протоіерей, Михаилъ Федоровичъ Третьяковъ, женатый на его младшей дочери Марѣѣ (старшая дочь Марія была замужемъ за дядькомъ Петровымъ). Скончался отецъ Сперанскаго 28 мая 1801 г., какъ разъ въ то время, когда новое царствованіе открывало новыя перспективы его старшему сыну, уже и тогда человѣку чиновному. Сановникомъ своего сына старику увидѣть не пришлось. За то мать видѣла его и на высотѣ перваго сановника имперіи, и въ опалѣ и ссылкѣ, и снова на высотѣ. Она умерла 24 апр. 1824 года, на 84 году жизни. Біографъ Сперанскаго нашелъ объ ней сказать только, что «при маленькомъ ростѣ, проворная, живая, она отличалась особенною дѣятельностью и остротою ума; кромѣ того, всѣ въ околodкѣ уважали ее за набожность и благочестивую жизнь». Натурально вполнѣ ели, какъ замѣчаетъ тотъ же біографъ, «участіе родителей въ дѣлѣ перваго воспитанія ихъ сына было самое незначительное». Единственное, что еще можно отмѣтить изъ этого ранняго періода жизни Сперанскаго, это свидѣтельство его родныхъ, что онъ былъ мальчикомъ слабаго здоровья, склоннымъ къ задумчивости, рано выучился читать и пристрастился къ чтенію, которое конечно не могло быть разнообразно въ домѣ бѣднаго и малообразованнаго жельскаго священника. Семь лѣтъ онъ былъ отвезенъ во Владивіръ и отдавъ въ семинарію, гдѣ, въ виду обнаруженныхъ имъ способностей, и былъ записанъ Сперанскимъ, т. е. подающимъ надежды, Надеждинымъ.

Въ семинаріи Сперанскій учился отлично, былъ замѣченъ мѣстнымъ архіереемъ, зачисленъ имъ въ архіерейскій хоръ, что считалось отличіемъ, а ректоръ семинаріи сдѣлалъ его своимъ келейникомъ (тоже отличіе). Въ 1790 году, какъ лучшій ученикъ, онъ восемнадцати-лѣтнимъ юношей былъ отправленъ для продолженія образованія въ Петербургъ, въ главную Александро-Невскую семинарію, какъ тогда называлась духовная академія. Здѣсь тоже Сперанскій былъ изъ первыхъ учениковъ, особенно отличаясь въ наукахъ математическихъ. Преподаваніе въ этомъ высшемъ духовномъ училищѣ было тогда далеко не на высотѣ высшаго учебнаго

заведенія. Тамъ не менѣе именно здѣсь окончательно дисциплинировался умъ Сперанскаго, здѣсь же онъ овладѣлъ французскимъ языкомъ, открывшимъ ему доступъ къ всемірной литературѣ, здѣсь же ему была указана эта литература однимъ изъ профессоровъ, большимъ поклонникомъ Вольтера и Дидро. Съ этого времени онъ уже начинаетъ изучать богатую философскую литературу XVIII в., читаетъ Декарта, Локка, Лейбница, энциклопедистовъ и французскихъ мыслителей XVIII в., до Кондильяка включительно. Ей въ это время начинаютъ поручать говорить проповѣди, которыя ѣдутъ большой успѣхъ, въ спискахъ хранятся слушателями переписываются любителями.

Въ 1792 году Сперанскій двадцати лѣтъ окончилъ курсъ и замѣченный митрополитомъ Гавріиломъ, оставленъ въ Петербургъ профессоромъ математики, физики и краснорѣчія въ той же главной семинаріи, въ которой только что окончилъ ученіе. Черезъ три года его переводятъ на кафедру философіи и назначаютъ префектомъ семинаріи. Это было знакомъ большого отличія со стороны митрополита, потому что до него префектами главной семинаріи значались духовныя лица. Къ этому времени его профессорской дѣятельности относится завершеніе его философскаго образованія его первые литературные опыты. Это были большею частью небольшія разсужденія на философскія темы. Одно изъ нихъ «О силѣ, о новѣ и естествѣ» было впоследствии, по смерти Сперанскаго, напечатано въ «Москвитянинѣ» 1842 г. Кромѣ того, имъ написанъ въ это время руководствъ для своихъ учениковъ по кафедрѣ краснорѣчія, подъ заглавіемъ «Правила высшаго краснорѣчія». Оно тоже не было напечатано при жизни Сперанскаго и сохранилось въ рукописи. На составленіе этого руководства можно указать не только какъ на признакъ развитія умственныхъ интересовъ, но и какъ въ свидѣтельство особой добросовѣстности въ исполненіи своихъ обязанностей, которая всегда и потомъ отличала Сперанскаго.

Въ это же время, т. е. въ послѣдніе годы правленія Екатерины II, произошла въ жизни скромнаго академическаго профессора перемена, проложившая ему дорогу на совершенно иное поприще. Одному изъ екатерининскихъ вельможъ, князю А. Б. Куракину, понадобился домашній секретарь для завѣдыванія его обширною служебною и частною перепискою. Митрополитъ Гавріилъ рекомендовалъ ему профессора Сперанскаго, нуждавшагося въ средствахъ въ виду бѣдности его родныхъ, которымъ онъ всегда по